

Ценный вклад

в советское шекспироведение

(Ю. Юзовский — „Образ и эпоха“, изд. „Советский писатель“ 1947 г. стр. 192)

Новая книга Ю. Юзовского является ценным вкладом в советское шекспироведение. Шекспировские образы и спектакли, стиль актерского исполнения и режиссерского истолкования автор рассматривает с точки зрения «психологии сегодняшнего зрителя», нашей современности. Прав автор, когда говорит, что для полного, исчерпывающего понимания Шекспира «надо понять не только современника Шекспира, но и нашего современника, не только героя на сцене, но и героя в зрительном зале».

Великий поэт и драматург стал родным, близким другом советского театра. Большой успех Шекспира у нас Юзовский рассматривает с точки зрения нашей эпохи, которая породила истинных титанов, людей широких характеров, волевых натур с большими идеалами, самоотверженных борцов за коммунизм, настоящих гуманистов.

Но это отнюдь не означает, что Шекспира следует отрывать от его века и доходить до искажения исторической обстановки. Поэтому Юзовский пишет: «Задача всех нас, обращающихся к Шекспиру, заключается в том, чтобы уйти от внеисторической абстракции и не впасть в историческую ограниченность. Есть мир идей, которые веками волновали человечество. Эти идеи рождаются в самой жизни, в борьбе и в деле жизни: там они возникают, там они разрешаются».

Рассматривая с этих позиций некоторые ранние постановки на сцене советского театра, автор отмечает перегибы в режиссерском и актерском истолковании Шекспира. Этими перегибами явились, с одной стороны, вульгарный социологизм («Гамлет» в театрах им. Вахтангова и Ленсовета), с другой — равнодушие к социальному анализу вообще, абстракция («Ромео и Джульетта» в Театре революции и в Тбилиском тюзет).

Юзовский подвергает критике буржуазную западно-европейскую и, особенно, немецкую шекспироведческую мысль (Герман Ульрици, Гартман и др.).

На западе и даже у себя на родине великий драматург стал предметом банальных, антинаучных исследований. Советский же шекспироведческая мысль все больше и больше обогащается глубоким познанием бессмертных произведений Шекспира.

Для иллюстрации убожества западного, например, английского шекспироведения, достаточно указать на последнее «достижение» в этой области. Некий театральный критик Перси Аллен в своей недавно вышедшей книге «Беседа с елизаветинцами» умудрился заявить, что ему посчастливилось спиритическим путем вызвать дух Шекспира, который, якобы, сообщил ему, что все свои произведения он написал совместно с фаворитом королевы Елизаветы герцогом Оксфордским. В самом деле, какое убожество мысли!

Вторая глава книги Юзовского посвящена вопросам стиля. Автор справедливо утверждает, что у нас складывается новый стиль раскрытия и исполнения образов Шекспира — советский стиль. Это стиль вообще советского реалистического театра. Постепенно на советской сцене напыщенно-патетическое уступает место реалистическому истолкованию Шекспира. Одновременно Юзовский осуждает такие шекспировские спектакли, где дух Шекспира снижается до «обыденности». На примере некоторых исполнителей роли Отелло автор убеждает, что при одностороннем истолковании Шекспир теряет многое, обедняется. Отелло Остужева и Отелло Хоразы нужно считать творческими удачами как раз потому, что они сумели найти гармонию между «исключительностью» и «обыденностью».

Большое место в книге Юзовского уделено разделу «Шекспир в Армении», при

этом надо признать, что без предыдущих глав очень многое в разборе постановок «Гамлета» и «Отелло» в театре им. Сундукяна могло бы показаться не вполне раскрытым и обоснованным.

Поводом для высказываний Юзовского о богатых шекспировских традициях в Армении и о вышеназванных спектаклях явились Всесоюзная 6-я шекспировская конференция и фестиваль, состоявшиеся весной 1944 года в Ереване.

Юзовский знакомит читателя с большой культурой перевода на армянский язык шекспировских произведений, причем воздает должное переводчику Шекспира Мадсеану.

Затем Юзовский после исторического обзора обстоятельно пишет о первом исполнителе на армянской сцене шекспировских образов — великом артисте Адамяне. Эти страницы волнуют читателя, автор их писал с добросовестностью вдохновенного исследователя, с любовью к памяти знаменитого армянского трагика. Главу «Шекспир в Армении» Юзовский начинает с обобщающей характеристики.

В разборе актерского исполнения «Гамлета» и «Отелло», при определенной критической точке зрения на истолкование образов, особенно Гамлета в трактовке В. Вагаряна, чувствуется большой принципиальный интерес автора к этим исполнениям. Своим глубоким анализом шекспировских образов в театре им. Сундукяна Юзовский сделал очень полезную, плодотворную работу. Нельзя не учесть его весьма убедительных замечаний не только об исполнителях заглавных ролей — Гамлета, Отелло, но и о Деждемоне в исполнении Р. Варданяна, роли Полония в исполнении О. Буятяна, Клавдия — В. Варданяна и др.

Юзовский, обстоятельно разбирая вагарянского Гамлета, остро полемизирует с его односторонней «действительностью», отмечает, что Вагарян игнорирует «гамлетизм» в Гамлете и стирает «психологический и философский конфликты» в поведении датского принца. Не отрицая, что Вагарян — актер удивительного душевного здоровья и обаяния — сделал определенный шаг в новом истолковании Гамлета, автор тем не менее считает неубедительной его исполнительскую

концепцию в «Гамлете». Слишком конкретизируя жажду мести Гамлета, Вагарян обошел глубоко противоречия, сомнения, мироощущения героя в обстановке эпохи и создал нечто другое — одностороннего волевого героя, который имеет мало общего с Гамлетом.

С другой стороны, традиционность исполнения Г. Джанибекяном той же роли вовсе не помогает увидеть «лицо Гамлета освещенное мощным факелом нашей эпохи». Актер в этом случае отказался от попытки сказать что-либо новое.

Предпоследняя глава книги посвящена спектаклю «Отелло». Юзовский считает значительным явлением то обстоятельство, что два крупных актера советского армянского театра — Г. Герсесян и Г. Джанибекян истолковали роль Отелло по-разному. Если у первого господствует страсть, то у второго — здравый ум, если первый легко поддается коварству Яго, то второй упорствует, томится в сомнениях, не хочет легко потерять веру в человека. Эти разные воплощения одного и того же образа говорят о богатых исполнительских возможностях армянских актеров и о наличии больших шекспировских традиций от Адамяна до Папазяна.

Юзовский считает актерскими достижениями и интересными толкованиями роли Клавдия в исполнении Д. Маляна, Яго — А. Аветисяна и других. Оба спектакля («Гамлет» и «Отелло») Юзовским рассматриваются, как серьезные попытки своеобразно раскрыть душу шекспировских героев, углубить советский стиль с тем, чтобы активно и воспитательно воздействовать на зрителя, ибо сегодня немислимо для строителя коммунизма смотреть пьесы Шекспира с чувством пассивного «удивления», для какой-то бессодержательной эстетической забавы, без охвата больших мыслей и страстей эпохи.

Книга Юзовского завершается главой «Зритель». Эту маленькую главу можно поставить вместо эпилога. Автор, допуская в некоторой степени повествовательное отступление, описывает всагодный интерес к Шекспиру. Этот интерес характеризуется меткими наблюдениями автора.

Книга Юзовского «Образ и эпоха» заслуживает внимания не только специалистов, но и широких слоев читателя.

А. АРАКСМАН.

29 ИЮН 1948

КОММУНИСТ

г. ЕРЕВАН